

Лучше поздно, чем никогда

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Когда Яшви уезжала, у Сонгцэна даже не было возможности с ней нормально поговорить. Но он чувствовал, что этот отъезд был похож на бегство. Да, ей нужно было разобраться с духами, а для этого обучиться у лисьих шаманов, но еще она хотела быть не здесь и не с ним. Это было очень больно понимать, и Сонгцэн понятия не имел, что с этим делать. Он вернулся во дворец.

Сейчас он уже уверенно стоял на своих ногах, мог ездить верхом и понемногу возвращался к тренировкам, но последствия поездки к Кангринбоче еще оставались. Сонгцэн очень быстро уставал, он не выдерживал и трети обычной тренировки – сбивалось дыхание, кружилась голова, а мышцы снова становились свинцово-тяжелыми. Со стихийной магией было еще хуже – не хватало энергии и дыхания. А сейчас не было и желания идти на тренировочную площадку, чтобы снова убедиться, что ничего не получается так, как нужно. Приходилось заново учиться тому, что он учил всю жизнь, и это было очень неприятно. Сейчас Сонгцэн просто хотел остаться один, чтобы побыть в своих мыслях и подумать о том, что будет дальше. Попробовать поймать надежду, что у них с Яшви все еще может быть хорошо. Найти возможность, чтобы этого добиться, когда не случившаяся Кора все сделала только хуже.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн не мог выйти за пределы резиденции клана, а здесь за ним ненавязчиво присматривали воины Кобр. Исключительно ради его безопасности – Сато еще не поймали. Поэтому Сонгцэн должен был проявить максимальное благоразумие и даже не выбираться одному на берег озера Фева там, где он окажется вдали от посторонних глаз. Он не имел права бунтовать и искать способы сбежать. Нашел бы, если бы сильно захотел – он был под охраной, а не в плену. Но это было бы ужасной глупостью, снова ставившей клан под удар, для таких поступков он был слишком дисциплинирован и благоразумен.

Он вернулся в свои покои и закрыл дверь на ключ. В их с Яшви покои, где она снова покажется не скоро. Где сейчас было невыносимо и хотелось лезть на стены. Или что-нибудь разбить, поддерживая стереотипы об ужасно взбалмошных и нетерпеливых магах Огня. Или сидеть наедине с собой и своими обидами, поддерживая стереотипы о самодостаточных в своих обидах магах Воды.

Сонгцэн снял и убрал куртку, оставшись в рубашке. Он сел на пол, прижавшись спиной к стене у окна. Он был почти там же, где его в свое время застала Яшви, когда он вернулся от того, что осталось от резиденции клана Сурикатов. И хотя сейчас все были живы, ему было больнее, чем в тот день, а глаза жгло точно также. И он был благодарен небесам, что сейчас никто об этом не подозревал и не пытался к нему лезть. Во дворце не было никого, с кем он был бы готов сейчас говорить о своем состоянии, он хотел видеть только Яшви, что было невозможно.

Мысли о том, что они с Яшви могут расстаться, обжигали сознание, заставляя

искать способы от них сбежать. Было страшно просто допустить мысль о том, что это было возможно. Он снова вспомнил, как возле Кангринбоче она сказала «я люблю тебя, Сонгцэн», после чего встала и ушла. Он не понимал, что между ними происходило. Не понимал, что она хотела от него. Чего ожидала, соглашаясь стать его женой, и в чем её ожидания не оправдались сейчас.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Он снова вспомнил тот день, когда победил шакала. Как Яшви зашла к нему после боя и поспешила сбежать, избегая разговора. Сейчас он вспоминал об этом с обидой: он рисковал своей жизнью, чтобы убить того, кто её обидел, победил чудом и считал, что как минимум имел право на то, чтобы она с ним нормально поговорила. Шакал поступил с ней чудовищно и несправедливо, но Сонгцэн не был в этом виноват. Она боялась того, что он в произошедшем с шакалом будет винить её, но он не дал ей ни единого повода считать, что это могло быть так, даже странно, что с такой выдающейся способностью самой придумать и самой обидеться она до сих пор еще не стала мастером магии Воды.

Сонгцэн грустно усмехнулся. Как бы сейчас ни лелеял он свои собственные обиды, больше всего он хотел, чтобы Яшви вернулась, и чтобы у них все было хорошо. Или чтобы он хотя бы мог уехать за ней следом, чтобы она при этом не избегала его, когда они встретятся. Сейчас они друг друга не понимали. Сонгцэн чувствовал, что его собственные обиды сейчас создавали пелену, за которой он не мог рассмотреть то, что действительно нужно было Яшви от него. И в том, что она говорила, и в том, что она делала, он видел её желание на него напасть и его обвинить в том, что он не такой, каким его хотела видеть она. В чем-то разочаровываясь, что-то додумывая.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Это Сонгцэна бесило, потому что он всю жизнь жил так, чтобы поступать правильно. По традициям, по совести, по велению сердца, в соответствии с принципами, которые считал правильными для себя. И то, что Яшви на него обижалась за его слова и поступки, порой додумывая то, чего не было, загоняло его в тупик. Он не понимал, почему в Монголии она подумала, что он может обвинять её в том, что к ней приставал шакал, и что на этот счет восприняла его давние слова об изменах. Он считал, что должен был искать свободы или смерти в плену у Кангринбоче, потому что так он защищал интересы кланов. Потому что, даже будучи принцем, он был лишь одним из многих Кобр, чья жизнь и смерть в масштабах истории клана ничтожна и должна была рассматриваться с точки зрения пользы и безопасности для этого клана. Но Яшви считала это его решение жестоким по отношению к ней. Как будто было другое, которое устроило бы всех. Она очень дорожила своей свободой, которую почувствовала, оказавшись с лисами. Он не был свободен от обязательств перед кланами, его жизнь ему не принадлежала, он это слышал очень много раз. Он не считал, что ему нужно воевать за свою свободу, что жизнь к нему не справедлива. Он был принцем, это накладывало много обязательств и ожиданий от него, но и давало права и возможности, которых не было у других. И ответственность, которая в том числе не позволяла сейчас сорваться и уехать в Монголию за Яшви.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн встал с пола, затем подошел к комоду и достал из верхнего ящика бумагу, тонкую кисть и тушь, которую развел до нужного состояния. Он обычно писал письма шариковой ручкой, но сейчас решил, что так будет больше возможностей обдумать каждое слово, которое должно было оказаться на бумаге. Он еще не был уверен, отправит это письмо адресату, или отдаст пламени, написав все то, что хотел написать.

Яшви,

Мне страшно из-за того, что между нами появилась пропасть, которая становится только больше, и я не понимаю, что могу сделать, чтобы тебя не потерять. Я знаю, что у тебя были серьезные причины уехать к Лисам, чтобы понять духов, что не дают тебе покоя после Кангринбоче. Но мне кажется, будто ты сбежала в первую очередь, чтобы не видеть меня. Я бы хотел ошибаться в этом, но то, что я видел последнее время, это догадку только подтверждает. Если ты знаешь, что я могу сделать, чтобы тебе не хотелось от меня сбежать – скажи, я готов на все ради этого. То, какой ценой ты нашла меня у Кангринбоче, позволяет мне верить, что ты меня по-прежнему любишь. Значит, эта пропасть причиняет боль нам обоим. Почему ты меня избегаешь?

Он писал строгим кайшу, понимая, что Яшви будет сложнее читать скоропись на путунхуа. Но, задумавшись над следующей строкой, Сонгцэн смял лист рисовой бумаги и заставил пламя охватить его, пока строки не превратились в пепел, а комната не наполнилась запахом гари. Сонгцэн положил перед собой следующий лист бумаги, обмакнул кисть в тушь и заточил её кончик о бортик тушечницы, чтобы он напоминал острие копья.

Яшви,

Я не понимаю, что между нами происходит. Я чувствую, что тебя теряю, и не знаю, что могу сделать, чтобы этого не допустить. Что от меня зависит, чтобы это изменить? Что ты ждешь от меня, что я делаю не так?

Этот лист тоже стал пеплом, и Сонгцэн открыл окно, чтобы выпустить из комнаты едкий запах гари, не казавшийся ему неприятным.

Яшви,

Мне плохо без тебя. Что происходит, почему ты меня избегаешь? Что мне сделать, чтобы ты вернулась и меня не избегала? Я смею верить, что все еще тебе не безразличен

Яшви,

Я боюсь того, что больше тебя не увижу. Я не понимаю, в чем моя вина, и в чем причина, что ты меня избегаешь.

Еще несколько писем постигла участь предыдущих, Сонгцэн чувствовал, что в них что-то не так. Он взял следующий лист, снова задумавшись о том, как начать. «Милая Яшви», «дорогая Яшви» звучало слишком формально, «моя Яшви» - сейчас слишком самонадеянно.

Яшви,

Я

Сонгцэн, задумавшись, задержал руку над листом, и тушь капнула рядом с очередным иероглифом «я», написанным очень аккуратным кайшу, какой оценили бы и мама, и мастер Радж. Сонгцэн почувствовал тень понимания, глядя на то, как клякса растекается по рисовому листу, который в следующий момент растаял в пламени, как и предыдущие. Он увидел перед собой лицо Яшви. Её внимательный взгляд, с которым она будто пыталась рассмотреть в нем то, что он её понял, но этого не замечала. Её серебряную прядь в волосах. Её окровавленное лицо – новая встреча с духами привела к тому, что у неё снова текла кровь из носа. Она уехала, потому что ей была нужна помощь. И потому что ей было очень плохо.

Яшви,

Что с тобой происходит? Почему тебе так плохо, что ты не готова даже об этом говорить? Если тебе нужно время, чтобы в себе разобраться, или свобода, которой я мешаю, я не буду лезть. Но если ты знаешь, как я могу тебе помочь – скажи. Я люблю тебя.

Твой Сонгцэн.

Это письмо он оставил на столе, дожидаясь, пока высохнет тушь, хоть все еще не был уверен, что его отправит. Надеялся, что сам доедет к Яшви раньше, чем отправит послание и получит ответ. Сейчас он нашел ответ для себя. Он не мог понять и услышать Яшви, потому что в его обидах и страхах его «я» закрывало все остальное. Упиваясь собственными обидами и страхами, он считал, что думает о Яшви и её отстраненность воспринимал как повод для новых обид. Но он думал о себе. И пока его любование любовью к Яшви в себе и страдания по поводу собственного эго затмевали все остальное, реальную Яшви с её болью и страхами он не видел. Насколько он бы удивился, если бы она сказала ему, что не считает, что он должен переживать из-за Сато, потому что не считает эту ситуацию изменой с его стороны. Сонгцэн сложил письмо и убрал его в комод вместе с оставшимися чистыми листами.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Он считал, что понял, что сказать Яшви, когда найдет её в Монголии. Теперь нужно

было дожидаться возможности, чтобы уехать из Покхары. А для этого нужно было найти и уничтожить Сато, и никакая самодеятельность с его стороны клану бы не помогла. Здравый смысл велел после тренировки пойти к отцу, чтобы поговорить с ним о том, можно ли как-то помочь с поисками. И сейчас этот здравый смысл был единственным советником, которого стоило слушаться, чтобы не наломать дров, пытаясь загладить вину перед Яшви ценой интересов клана или наоборот. Он был и принцем, и мужем Яшви, и если рассчитывал оставаться в этих ролях долгие годы одновременно, он должен был учиться тому, как совмещать их, думая о чужих интересах, а не о себе самом.

Всю жизнь он старался соответствовать чужим ожиданиям, чтобы быть достаточно хорошим для роли принца. Он тратил много времени и сил на то, чтобы учиться, чтобы освоить противоположные стихии, чтобы доказать всем, что он может то, что от него требуется, и даже больше. Считая, что кладет все время, силы и нервы на алтарь службы клану, он рос законченным эгоистом, в центре вселенной которого было его собственное «я». Он справился и доказал. Он сдал экзамен. Он добился права жениться на той, кого выбрал сам, не нарушая традиций. А теперь это сияющее «я» стоило подвинуть, чтобы увидеть других людей, каждый из которых был центром своей собственной вселенной. И в первую очередь увидеть Яшви, дав в их отношениях достаточно места для «ты», чтобы смогло получиться долгосрочное «мы». И это не было очередным экзаменом, который можно сдать один раз, это было способностью, над которой Сонгцэну стоило работать всю жизнь, чтобы не было страшно, что Яшви снова захочет уехать, потому что он окажется не способным её понять.

Он пошел в ванную, чтобы умыться, затем переоделся в тренировочную форму и отправился на площадку, чтобы между занятиями учеников найти полчаса, чтобы позаниматься самому, хотя бы просто повторить простые ката.
